

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

П. Е. Лаврусевич

Жить бором или жить в бору: практики собирательства и присвоение пространства (кейс Караканского бора)¹

ЛАВРУСЕВИЧ Полина Евгеньевна — старший преподаватель кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

Email: p.lavrusevich@gnsu.ru

В фокусе данного исследования находятся практики собирательства общедоступных дикоросов, реализуемые разными группами агентов природопользования на территории Караканского бора, крупного лесного массива, расположенного в границах Новосибирской области и Алтайского края. Практики социальных агентов, в разной степени укоренённых в бору (местные жители, дачники и горожане-туристы), позволяют проследить механизм решения проблемы общего доступа к ресурсам бора, то есть, другими словами, представляют собой кейс для наблюдения трагедии общин. Информационную базу составили материалы невключённого наблюдения и полужформализованных интервью с резидентами бора, собранные в ходе социологических экспедиций июля — сентября 2021 г., июля 2022 г. Смыслообразующей категорией, которая формирует ценностную основу присваивающих практик, является категория «жить бором». Семантически включая экономическую и экологическую компоненты, она демонстрирует неотделимость присвоения ресурсов от рефлексии относительно их состояния, вводит от хищнической установки «после нас хоть потоп». Говорить о непосредственной жизни бором для основной массы жителей боровых поселений сегодня не приходится, потребление дикорастущих грибов и ягод не играет значимой роли в жизнеобеспечении. Однако символически доступность даров леса всё же необходима для его резидентов, критически важно восприятие ресурсов бора как общин. Зафиксирована профессионализация собирательства, выделяется узкая группа собирателей — сельских жителей, которые продают дары леса практически на месте их сбора горожанам, прибывающим в бор с рекреационными целями. В процессе освоения пространства бора, реализации практик собирательства формируются транзитивные отношения собственности, которые выражаются в наличии у собирателей «своих мест» в бору. «Свои места» как освоенное и присвоенное пространство бора локализованы между частной и общей собственностью, их можно охарактеризовать как индивидуализированный общий ресурс. Представляя собой совокупность норм и правил природопользования, функционально они служат поддержанию социального и экологического равновесия в бору, то есть обеспечивают бесконфликтный одновременный доступ к общему ресурсу и его воспроизводимость через сдерживание чрезмерного личного потребления.

¹ Проект реализовался при поддержке фонда Хамовники. Руководитель проекта — И. А. Скалабан, участники — П. Е. Лаврусевич, Т. Д. Алексеев, Е. А. Грач, А. В. Дубынин. URL: <https://khamovniki.ru/neformalnye-praktiki-prirodopolzovaniya-karakanskogo-bora-mezhdu-socialnym-prisvoeniem-i-socialnoj-kooperaciej/>

Ключевые слова: неформальное природопользование; ресурсы общего пользования; практики собирательства; присвоение пространства; права собственности; Караканский бор; «свои места».

Введение: ресурсы общего пользования и конкуренция в практиках собирательства

Собирательство традиционно является одной из наиболее массовых среди всех неформальных практик природопользования как сельского, так и городского населения, причём значимость таких практик варьируется от промыслового характера, решения задач жизнеобеспечения до досуговой активности. Собирательство частично (если речь не идёт о краснокнижных видах) находится в поле зрения государственного регулирования (ст. 11 Лесного кодекса РФ)², но не «подкреплено формальными контрактами и не фиксируется статистическим и налоговым учётом» [Барсукова 2012: 31]. В такой трактовке общеупотребимые дикоросы, грибы и ягоды, представляют собой ресурс общего пользования [Hardin 1968], слабо подверженный как формальному, так и неформальному регулированию, прежде всего вследствие изменчивости времени и места произрастания, непредсказуемости объёмов этого ресурса (колебаний урожайности из года в год).

Локальные сообщества потенциально могут конструировать механизмы регулирования промысловой деятельности [Ермолин 2019], однако при условии их достаточной изолированности и автономизации. Если же речь идёт о присутствии на территории природного объекта разных групп пользователей, имеющих свободный доступ к дарам леса, закономерно возникает вопрос: как складываются социальные отношения по поводу присваиваемых дикоросов? Насколько конкурентными будут отношения между социальными агентами, каковы будут их притязания на присвоение пространства природного объекта и его ресурсов? Какую роль в установлении конкуренции и (или) сотрудничества играют критерии длительности присутствия и хозяйственной значимости собирательства? Каков потенциал бесконфликтного разрешения трагедии общин и, вообще, масштаб трагедии?

Кейсом для наблюдения такого рода отношений является Караканский бор, расположенный в границах Новосибирской области и Алтайского края. Протянувшись на расстояние около 100 км вдоль Новосибирского водохранилища, он включает в свои границы не менее 15 сельских поселений разных размера и статуса (от преимущественно сельских до практически полностью дачных, в которых численность постоянного зимующего населения составляет пять-семь человек, а летний дачный посёлок насчитывает около 500 дворов). Различия в освоённости этих территорий горожанами-дачниками обусловлены прежде всего расположением ряда поселений на береговой части бора. Кроме того, рекреационные ресурсы (достаточно тёплый для региона водоём и привлекательный лесной массив) в летнее время притягивают большое количество стихийных туристов-горожан.

Поселения Караканского бора географически образуют своего рода кольцо, поскольку расположены на протяжении его границ, с западной стороны вдоль Новосибирского водохранилища, и на востоке, с «обратной» стороны, в так называемой подборице, или в подборье. В первой половине XX века и ранее, до создания Новосибирского водохранилища в 1956 г., речное сообщение с Новосибирском по реке Оби было основным способом транспортировки леса, сельскохозяйственной продукции и продукции собирательства как для жителей береговых поселений, так и для жителей подборья. Рекреационное освоение Караканского бора, преимущественно его прибрежной части, началось в 1950-е гг.

² Статья 11. Пребывание граждан в лесах. 1. Граждане имеют право свободно и бесплатно пребывать в лесах и для собственных нужд осуществлять заготовку и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов (пищевых лесных ресурсов), а также недревесных лесных ресурсов. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (редакция от 30 декабря 2021 г.) с изменениями и дополнениями вступил в силу с 1 марта 2022 г.

Бор стал осваиваться в трёх направлениях — самостоятельными туристами, в том числе рыбаками и грибниками, горожанами, приобретающими дома в боровых поселениях, и посетителями баз отдыха. Процесс субурбанизации сформировал хозяйственный уклад, включающий интенсивное взаимодействие местного и городского населения. Критическое увеличение числа пользователей бора произошло в последние два-три десятилетия, что было обусловлено прежде всего улучшением качества автодорог. Пандемия COVID-19 придала этой тенденции дополнительный толчок. При этом для всех категорий пользователей Караканского бора (от коренных жителей боровых поселений до стихийных туристов-горожан) ключевую роль в его привлекательности играют не только природно-климатические характеристики, но и произрастающие в бору дикоросы. Бор отмечен на народной карте грибника³ как одно из самых популярных мест в Новосибирской области, а начало грибного сезона часто находит отклик в местных СМИ («в Каракане пошли грибы»).

Замысел исследования состоит в анализе практик собирательства в Караканском бору как способов присвоения ресурсов общего пользования.

Эмпирическая база

Сбор эмпирических данных происходил в рамках реализации проекта «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией». Информационная база была сформирована по итогам пяти социологических экспедиций, реализованных в формате этнографического кейс-стади. Исследовательская группа пребывала в бору и боровых поселениях в июле — августе 2021 г., сентябре 2021 г., феврале 2022 г. и, наконец, в июле 2022 г. Методами сбора данных послужили невключённое слабоструктурированное наблюдение, полуструктурированные интервью и свободные беседы с резидентами Караканского бора — жителями сельских поселений, дачниками и туристами-горожанами. Общий массив данных, релевантных работе, складывается из примерно 80 интервью разной степени структурирования и углубления. Пребывание исследовательской группы в бору в разные сезоны года и в разных его частях (северной, ближайшей к Новосибирску, и южной, находящейся на территории Алтайского края; на береговой линии и в «подборице»), определённая цикличность полевого этапа послужили комплексному пониманию изучаемых социальных явлений, содержательному насыщению информационной базы. Анализ массива транскриптов интервью основан преимущественно на процедуре тематического кодирования, которое было реализовано с применением свободного программного обеспечения QualCoder [Curtain 2022].

Основные понятия. Методология исследования

При наличии в качестве теоретической точки отсчёта неформальных практик природопользования методологическая база исследования дополняется положениями социальной топологии (что обусловлено значительным пространственным вектором исследования), социальной (человеческой) экологии (в ключе развития проблематики взаимодействия социального агента с окружающей средой и другими агентами природопользования) и, наконец, теорией прав собственности (в части анализа присвоения пространства природного объекта).

Исследования неформальных практик природопользования российскими авторами направлены в своей основной массе на изучение традиционных кустарных промыслов, особенностей хозяйственного уклада малых народов, жителей отдалённых сельских поселений. Наблюдается чёткое выделение среди неформальных практик охоты и рыболовства, которые доминируют в исследовательской повестке, тогда как собирательство остаётся своеобразным белым пятном. Взгляд на традиционные промыслы

³ Карта грибных мест Новосибирской области: где искать белые, обабки и шампиньоны. *Новосибирский городской сайт*. URL: <https://ngs.ru/text/summer/2020/06/02/69281752/>

характеризуется фокусированием преимущественно на статусе практик природопользования с точки зрения возможности внешнего контроля, (не)намеренном уходе из формального поля, «противопоставления практик потребления ресурсов локальными или этническими сообществами тем нормам, которые предписываются “извне” государством, законом или конкретными контролирующими организациями» [Гаврилова 2019: 14], то есть в целом на исследовании неформальных механизмов регулирования доступа к ресурсам общего пользования. В связи с этим возникают метафоры «свободного пространства» и «вынужденного браконьерства» [Давыдов 2019; Клоков 2020]. «Вынужденное браконьерство» применительно к коренному населению изолированных сел сибирской тайги и тундры означает «необходимое условие выживания коренного населения Сибири в меняющихся условиях окружающего социума» [Клоков 2020: 144], что подчёркивает автономность ресурсодобывающего сообщества. Значимость локальной идентичности, родственных связей с местным сообществом в формировании ценностного отношения к рыбному промыслу (ловля лосося) и в обеспечении морального права на присвоение даров моря показана в этнографическом исследовании в Баренц-регионе [Nakhshina 2012].

Зарубежные исследования существенно расширяют содержательный спектр изучения неформальных практик природопользования, что отражается в более пристальном внимании к собирательству. Традиционный фокус на хозяйственной деятельности локальных, часто этнических, сельских общностей постепенно смещается в сторону практик собирательства недревесных лесных ресурсов (*non-timber forest products* — NTFP) в городских лесах. В рамках первой исследовательской перспективы фиксируются общий спектр потребляемых природных ресурсов, их сезонное и пространственное распределение [Gakou, Force, McLaughlin 1994; Hong, Saizen 2019], доля доходов от продажи NTFP в общем годовом доходе домохозяйства [Sheko et al. 2023]. Стоит отметить внимание исследователей не только к исключительно хозяйственным аспектам собирательства, но и к культурной значимости потребления NTFP [Poudel 2009], присутствию досуговой функциональности собирательства при снижении его экономической роли [McLellan, Brown 2017].

Включённость в собирательство городских жителей пока не находит своего эквивалента в российском исследовательском сегменте. Основным вопросом здесь становится не задача жизнеобеспечения, а взаимодействие агентов природопользования с окружающей средой, их рефлексия относительно собственного влияния на состояние экосистемы, индивидуальный вклад в трагедию общин. Группа авторов, изучавшая практики собирательства недревесных лесных ресурсов в городских лесах Сиэтла, пришла к выводу, что для собирателей-горожан важен тот след, который они оставляют в природном ландшафте [McLain et al. 2017]. Сбор лесных продуктов на урбанизированной территории воспринимается горожанами как легитимное социальное благо [Poe et al. 2013], что влечёт определённые действия по его сбережению. Экспертный опрос в рамках изучения собирательства в городских лесах Вены выявил такие неформальные практики поддержания биологического разнообразия, как сохранение в тайне мест сбора редких видов растений и ограничение объёмов индивидуального сбора дикоросов возможностями единоразового потребления, за исключением ягод и грибов, которые могут быть заготовлены впрок [Schunko, Wild, Brandner 2021].

Здесь необходимо отметить, что городские леса и собирательство (*gathering, foraging*) в них понимаются в зарубежных работах достаточно широко. Когда речь идёт о городских лесах (*urban forests*), под ними понимаются не только собственно лесные насаждения в городской среде, но и разнообразные пространства с присутствующей растительностью (например, задний двор, аллеи, придомовые газоны). Так, сбор гербария, опавших плодов или пряных трав рядом с частным домовладением уже попадает в поле зрения исследователя и позволяет определить такого социального агента как собирателя. Тогда как российские авторы, изучая практики собирательства, фиксируют сбор съедобных грибов и ягод преимущественно в диких лесах, при этом городское пространство, в принципе, не рассматривается как ареал реализации практик собирательства.

Интерес к тематике потребления общих ресурсов определяет обращение к социально-экологической перспективе, подчёркивая тот факт, что «физическая среда может влиять на человеческие общества и поведение (и, в свою очередь, находиться под их влиянием)» [Dunlap, Catton 1979: 244]. В связи с этим стоит упомянуть антропологический взгляд на практики собирательства как особые способы взаимодействия с пространством [Гончаров 2021]. Проблематика вовлечённости, рефлексии агентов природопользования поднимается и в исследовании о восприятии своей роли в окружающей природе жителями Приморья [Позаненко 2022]. Автор подчёркивает, что «восприятие себя в природе населением конкретных территорий без этнической привязки почти не попадает в исследовательский фокус» [Позаненко 2022: 165].

Отталкиваясь от понимания окружающей среды в расширенном варианте, не только как биологического, но и как социального окружения, необходимо обратить внимание на взаимную обусловленность практик природопользования нормами и правилами поведения местного сообщества, вписанность их в контекст. Опорной категорией при этом становится социальная укоренённость экономического действия, которая позволяет проанализировать традиционные практики природопользования с позиций их институционально-исторической обусловленности [Полянши 2002] и локальной социальной детерминированности [Грановеттер 2002].

Социально-экологическая перспектива в своём внимании к «влиянию положения — как во времени, так и в пространстве — на человеческие институты и человеческое поведение» [Маккензи 2008: 232–233] подводит к ещё более пристальному анализу пространственных отношений и обращению к объяснительному потенциалу социальной топологии. Это даёт представление о природном объекте (бор) как о социальном пространстве, то есть о «распределении в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг» [Бурдьё 2007: 54]. Потенциально присвоенными могут быть не только дары леса, возобновляемые природные ресурсы, но и само пространство бора в его физическом измерении. Собственно, символическое присвоение пространства бора обеспечивает возможность присвоения его ресурсов. Присвоение пространства осуществляется через практики природопользования, то есть через факт освоения, пребывания в пространстве бора и активной деятельности в нём. Бор понимается как культурный ландшафт, поскольку его пространство «одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Каганский 2001: 24].

Присвоение пространства бора приводит к возникновению между пользователями бора отношений собственности, «определяющих положение каждого индивида по поводу использования ограниченных ресурсов» [Rejovich 1976: 3]. Классификация правомочий С. Пейовича, выделяющая среди прав собственности четыре составляющие — право пользования имуществом (*usus*), право получения доходов от него (*usus fructus*), право изменять его форму и содержание (*abusus*) и право передавать его другим лицам по взаимно согласованной цене, — даёт возможность более детально проанализировать эти отношения. Само определение прав собственности как отношений между субъектами (в нашем случае — между агентами природопользования) возвращает к взгляду на бор как на социальное пространство в совокупности конституирующих его социальных агентов. Бор становится ареной отношений собственности между агентами природопользования, то есть между жителями сельских поселений, дачниками, туристами-горожанами. Определение своей позиции в бору по отношению к другим пользователям, по сути, представляет собой спецификацию прав собственности если не на бор в целом, то на привычные места пользования им.

Тематика присвоения пространства традиционно обнаруживается в области городских исследований и имеет единичные примеры в неурбанизированных пространствах (тем более в пространствах вне по-

селений). Исследование рекреационной активности в национальном парке в Шотландии [Brown 2015] показало, что (не)вмешательство в окружающую среду (определяемое через наличие физических следов этой активности) может быть значимым фактором для предъявления притязаний на пространство и его осязаемые и неосязаемые общедоступные ресурсы. Более обширные масштабы освоения и присвоения «пустых» пространств в рамках нехозяйственной деятельности выявлены Л. Бляхером и К. Григоричевым в Хабаровском крае как новые неформальные способы заполнения социального пространства смыслами вне властного регулирования и масштабных экономических проектов [Бляхер, Григоричев 2020].

Разнообразие тематического и географического репертуара отмеченных выше исследований приводит к выводу, что проблема доступа и потребления общих природных ресурсов остаётся актуальной для самых разных агентов природопользования. Трагедия общин характерна как для автономных ресурсодобывающих (зачастую этнических) сообществ, так и для посетителей национальных парков и городских лесов, причём присвоение собственно природных ресурсов тесно связано с проблематикой присвоения пространства, что находит отражение в авторской терминологии («пустые», «свободные пространства»). Хозяйственный аспект неформальных практик природопользования неотделим от ценностной компоненты этих практик.

Кейс Караканского бора позволит продемонстрировать, как развивается трагедия общин на территории лесного массива, доступного горожанам в рамках поездки выходного дня. Как решаются задачи одновременного доступа к природным ресурсам для пользователей, в разной степени укоренённых в бору (жителей боровых поселений, дачников-горожан и стихийных туристов)? Влечёт ли укоренённость особые притязания на присвоение пространства бора? Как связаны освоение и присвоение пространства природного объекта? Речь об этом пойдёт в следующих разделах статьи.

«Жизнь бором» как механизм достижения равновесия

Ключевым концептом, который даёт принципиальный ответ на сформулированные выше вопросы, является смысловая категория «жить бором и (или) лесом». Данная категория практически одновременно вышла из уст нескольких информантов, резидентов Караканского бора, в первые дни социологической экспедиции, она в буквальном смысле «рождена полем». Категория «жизни бором» актуальна, не архаична, ею легко оперируют в повседневной речи представители самых разных социальных групп. Вопрос, живете ли вы бором, одинаково уместно звучит и в разговоре с простым жителем села, и с главой администрации сельсовета.

Определённый смысловой дуализм состоит в сочетании экономической и экологической компонент, в том числе в пространственном измерении. Формулировка «жить бором» отсылает нас одновременно к проблематике жизнеобеспечения, вопросам о «хлебе насущном» и при этом фиксирует связь агента с окружающей его средой, укоренённость в ней. Исходя из этого, *присвоение ресурсов бора неотделимо от рефлексии относительно состояния этих ресурсов*, сам факт описания практик природопользования через категорию «жить бором» демонстрирует явную ориентацию пользователей бора на поддержание экологического равновесия.

Поскольку информанты принадлежали к очень разным поколениям и социальным группам, можно сказать, что смысловая категория «жить бором» демонстрирует как устойчивость, глубокую укоренённость (в отношении наименования и общего содержания) практик природопользования жителей боровых поселений, так и изменчивость (как конкретизацию содержания). Кодирование в этой части исследования было, скорее, естественным (*in vivo*) и охватывало 30 транскриптов интервью. Информанты представлены местными жителями боровых поселений, но также включены укоренённые

дачники (длительность пребывания 30–40 лет), насельник монастыря, глава экологического фонда из Новосибирска. Отдельно выделяются два интервью с коренными жительницами прибрежных боровых поселений, которым на момент интервью было чуть больше 80 лет (рождены в 1940-х гг., но точный год рождения не известен). Эти интервью формируют своеобразную точку отсчёта, отсылку к наиболее традиционному режиму природопользования.

Содержательный спектр категории «жить бором и (или) лесом» позволяет имманентно выделить смысловые блоки, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Содержание смысловой категории «жить бором»*

Критерии классификации	Содержание категории		
Хозяйственная значимость практик природопользования	Сбор даров леса для личного потребления: <i>Вплотную, мы жили бором <...> во-первых, заготовка. Ягоды, грибов, свежий воздух, постоянно, ну, так скажем, многие пользовались вот этим</i> (коренная жительница борового поселения)	Сбор даров леса на продажу, самостоятельно или через посредников: <i>Ну, женщины, вон, ягоду собирают, грибы. Вон, ягодуники собрали ягоду, заготовителям увезли, сдали</i> (житель борового поселения, Алтайский край)	Бор как транспортный путь: <i>Ну, бором, если честно, я говорю, там никто не живёт. Так, через бор только ездим</i> (житель «подборицы», фермер)
Добровольность и (или) вынужденность	Имманентная характеристика боровых поселений: <i>Люди жили бором, они дрова могли взять и всякие дары, и всё это как бы они чувствовали, что это их бор</i> (коренная жительница «подборицы»)	Вынужденная мера, обусловленная отсутствием возможностей заработка: <i>Ну, в лесу, конечно, было, вся деревня жила лесом, работать здесь было негде</i> (коренная жительница прибрежного борового поселения)	
Тип присваиваемых ресурсов	Сбор ягод, грибов, лекарственных средств: <i>Если бором живёт, имеет в виду грибы, ягоды...</i> (жительница боровой деревни)	Заготовка древесины: <i>Раньше мы тоже жили лесом, занимались лесоповалом очень активно. Раньше, первые лет десять, наверное, существования монастыря. Валили и продавали, пилили доски продавали. Это был как бы заработок</i> (насельник монастыря)	

* Территориальная принадлежность указана только для жителей Алтайского края, так как основная часть информантов проживала на территории Новосибирской области.

«Жить бором» так или иначе включает в себя присвоение ресурсов бора (дикоросы или, гораздо реже, древесина), что определяет устойчивость этой категории. Локальные вариации обусловлены типом присваиваемых ресурсов, критерием добровольности присваивающей деятельности, фактом получения денежного дохода. Данная категория может описывать как индивидуальную деятельность, так и хозяйственный уклад поселения. Взгляд на бор как на транспортный путь является, пожалуй, либо исключением в совокупности представлений о вовлеченности в природопользование жителей боровых поселений, либо более современной трактовкой понятия «жить бором». Главную роль в содержательном наполнении категории «жизнь бором» играют практики собирательства.

Нарративы коренных жителей прибрежных боровых поселений, описывающих практики собирательства в 1940–1950-е гг. XX века, дают основания определить эти практики как действительно жизнеобеспечивающие, демонстрируют одновременно и экономическую зависимость, и высокую (эмоциональную) вовлечённость в практики собирательства:

А вы знаете, какой был бор, это вообще — сказка!.. Вот такие были поляны, допустим вот, черничные <...>. Сколько было, вот, допустим, в детстве брусники... Два-три ребёнка — мы, вот,

эти десятилетние дети — махом нагребали эту бочку брусничкой, обратно шли пешком <...> С детства все мы жили этим бором. Буквально жили. Грибов было — ступить негде, ягод — никто их не выбирал <...> И мы вот за счёт этого одевались, обувались <...> Вот за счёт этого Караканского бора мы жили. Сколько мы сдавали ягод, сколько мы сдавали грибов, без конца. А это всё деньги были, деньги (коренная жительница прибрежного борового поселения).

Вся деревня жила вот этой ягодой, груздями — солили. Заготовители иногда приезжали (коренная жительница прибрежного борового поселения).

Такое восприятие бора и присваивающих практик, безусловно, имеет элемент романтизации, даже идеализации боровой жизни, опирается на ностальгические воспоминания информантов о своём детстве. Однако полученные сведения не лишены и фактических данных об объёмах сбора и потребления (продажи) дикоросов. Кроме того, эмоциональность описания призывает к сравнению, поиску аналогичных критериев оценки своей деятельности в бору сегодняшними информантами, представителями более молодых поколений.

Описание нашими информантами практик природопользования 1950-х гг. согласуется с данными этнографических исследований крестьянского быта Западной Сибири в период Великой Отечественной войны и после неё [Мазырина 2018], фиксирующими широкое распространение практик сбора грибов (дифференцированно по территориям произрастания) и ягод (повсеместно) и их последующей заготовки (засолка, сушка и т. п.) для длительного хранения. Информанты почти дословно воспроизводят предложенное Т. Щегловой определение «кормящий ландшафт» [Щеглова 2021]:

Лес сейчас не кормит, сейчас редко кто ездит даже себе за ягодой, за грибами (коренная жительница боровой деревни, родилась в 1940 г.).

Продажа присвоенных даров леса осуществлялась как через местные заготовительные конторы⁴ (или индивидуальных заготовителей), так и в формате самостоятельной продажи в городе:

Наберём по 10 вёдер <...> Солили по 50 банок трёхлитровых <...> В город увозишь и продаёшь, 10 рублей банка (коренная жительница боровой деревни).

Эмпирические данные позволяют зафиксировать возможность получения дополнительного денежного дохода от собирательства и в более поздние периоды времени (1970–1980-е гг.), причём как для местных жителей, так и для приезжающих горожан из Новосибирска:

Люди набирали по несколько вёдер брусники, черники, садились на теплоход, уезжали в город, продавали и возвращались обратно, то есть этим жили (укоренённый дачник из борового поселения, длительность проживания более 30 лет).

Летом из новосибирского теплохода целый десант высаживался, люди с рюкзаками шли <...> Был палаточный город, кое-кто приезжал на лодках, с велосипедами, шли, ставили палатки, жили, собирали бруснику, грибы, рыбу ловили, коптили, целые отпуска проводили здесь (житель прибрежного борового поселения, Алтайский край).

Сколько здесь много было груздей, что у неё бочек по 20 за день [В заготовительном пункте. — П. Л.]. Сдавали грибы, сдавали калину, сдавали бруснику <...> Бочки вот такие огромные, и

⁴ Скорее всего, имеются в виду заготовительные конторы потребительской кооперации.

увозили в Новосибирск <...> У нас конь раньше был, у мамы с папой, и вот поедет в лес, они калины нарвут, сдадут и нас на это одедали <...> Да, хватало вот это разовое, что вот они сегодня съездили, сдали и одедали в школу, а нас было трое (коренная жительница борового поселения).

Хронологически последние упоминания о высокой значимости даров леса для жизнеобеспечения массового пользователя бора относятся к 1990-м гг. Об этом сообщают и укоренённые дачники, и береговые туристы-старожилы, пребывающие на прибрежных территориях Караканского бора в течение нескольких десятилетий:

Когда перестроечные времена были и работы не было вообще, мы жили здесь, то есть как приезжаешь в мае, так и в сентябре уезжаешь отсюда <...> Рыбу ловили, грибы (туристы-старожилы на берегу Новосибирского водохранилища, длительность присутствия более 40 лет).

На сегодняшний день, несмотря на общее снижение воспроизводимых ресурсов бора (это единодушно отмечают как коренные жители сел, так и укоренённые дачники), исследовательским коллективом была выявлена группа «профессиональных собирателей», доход которых от продажи даров леса вносит значимый вклад в бюджет домохозяйства (позволяет закупить дрова на зиму, корм для скота и т. п.). Основными покупателями являются многочисленные горожане, грибники-дилетанты, приезжающие отчасти благодаря мифологизации Караканского бора как одного из лучших грибных мест Новосибирской области.

Здесь покупатель другой. Покупатель с багажником... Я же торговал в городе и здесь, самое лучшее место здесь... Я и бензин экономлю, и, если у меня быстро купили, я второй раз... Бывает, что по два раза мы ездим (житель борового поселения, продавец грибов).

В настоящее время сбор даров леса на продажу не является преемственной практикой по отношению к сдаче ресурсов бора в заготовительные конторы, которые существовали в советский период (вплоть до 2000-х гг., по словам жителей одного из боровых поселений). Сегодняшние профессиональные грибники — в значительной степени предприниматели, самостоятельно решающие вопросы установления цен на товар, выбора мест и времени торговли. Отмечая это отличие новых практик продажи присвоенных ресурсов бора, профессиональных грибников можно назвать предпринимателями и в институциональном ключе, поскольку свою задачу «привносить нечто новое, продвигать изменения и налаживать работу полей стратегических действий» [Флигстин, Макадам 2022: 62] они реализуют в полной мере. Заготовительные конторы советского периода описывают перераспределительную форму интеграции в терминологии К. Поланьи, а современные профессиональные грибники конструируют обменные отношения с посещающими бор горожанами. Такие индивидуальные практики природопользования немногочисленных профессиональных грибников наиболее ярко иллюстрируют хозяйственный полюс «жизни бором», в отличие от массового сбора ягод и грибов сельскими жителями и нерегулярной продажи излишков.

Если человеку нечем жить, он летом готовит и продаёт это всё, и на зиму... Как бы себе... Обеспечивает средствами себя (глава сельской администрации).

Для себя, ну и на продажу... Отдыхающих много, почему бы и не продать, если спрос есть <...> Летом люди на этом деньги зарабатывают (жительница борового поселения).

Веберовская типология социального действия [Вебер 1996] даёт ещё один взгляд на практики собирательства. Сбор дикоросов (преимущественно грибов) на продажу представляет собой целерациональ-

ное действие, которое требует чёткой организации процесса и мобилизации ресурсов домохозяйства. Для того чтобы успешно продать грибы, собрать их необходимо рано утром, предварительно обработать, привезти к месту продажи. Часто в этом задействованы несколько членов семьи. И такая нацеленность на результат, скорее всего, уводит эмоциональное вовлечение на второй план. Целерациональные практики собирательства в качестве дополнительного дохода, указанные информантами, вносят существенный вклад в формирование уровня жизни резидентов бора.

Сбор для личного потребления характеризуется как традиционное (или ценностнорациональное) действие. Получение дополнительного дохода (в денежном или натуральном выражении) не является основной задачей, объёмы собираемых даров леса (и продаваемых излишков) несущественны для жизнеобеспечения семьи. Это касается в первую очередь сбора ягод. Лесные ягоды вполне могут быть замещены выращиваемыми в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) в абсолютном выражении, тем более что сбор лесных ягод достаточно трудоёмок. В своей традиционной вариации практики собирательства направлены на поддержание качества жизни:

Это просто традиция <> Вот мы нынче ездили, хоть уже сил и мочи нет, но охота, хочется самим набрать (жители «подборицы»).

В следующем высказывании проявляется также поколенческая пространственная связь практик собирательства, включая их непосредственную физическую локализацию. Одна из информанток отмечает:

Я даже сейчас, с детства, бегаю на те места, где мама у меня ходила, грибы собирала (жительница борового поселения).

Такая поколенческая преемственность была зафиксирована не только в практиках сельских жителей среднего возраста, но и среди школьников из борового поселения.

Ученица начальной школы в рамках учебного мероприятия на тему профессий «*вылепила из пластилина там грибы, ягоды, там эти вот травки. То есть ребёнок считает, что... Ну, это начальная школа, по идее, там они уже должны знать, что такое профессия... Что этим можно жить*» (школьный учитель, жительница борового поселения).

Живут ли бором современные его резиденты? Ответ на этот вопрос может быть как утвердительным, так и отрицательным. Сбор ягод и грибов в значимых для жизнеобеспечения домохозяйства объёмах остался в прошлом. Усилилась профессионализация собирательства, сформировалось узкое локальное сообщество профессиональных собирателей — жителей боровых поселений. Одновременно в пространстве коллективной памяти на качественном уровне сама возможность присвоения и потребления дикоросов остаётся значимой. Ресурсы бора воспринимаются местными жителями как общие, их доступность принципиально важна как составляющая локальной идентичности. Способствует этому поколенческая преемственность культуры собирательства. Одним из примеров этой преемственности и укоренённости в пространстве бора является феномен «своих мест».

«Свои места» в бору: между частной и общей собственностью

«Свои места» — вещественный индикатор включённости в бор, прямое следствие интеграции социальных агентов в ландшафт бора. «Свои места» представляются неотъемлемым атрибутом живущего бором агента природопользования. Своеобразная линия демаркации между группами агентов, живущих бором, и между агентами, имеющими свои места, состоит в том, что свои места могут быть и у дачников, не только у сельских жителей, тогда как категория «жить бором» к дачникам-горожанам скорее, неприменима.

Одна из наиболее удачных формулировок информантов, соединяющих «свои места» с «жизнью бором», такова:

А, свои места? Да примерно знаю, что там, например, 16-й км, там 9-й км, там же километраж идёт <...> Да. Вот так вот. Там примерно ищем. Ну, что там, много надо на зиму нам? Я же не живу, как те люди, этим всем (жительница борового поселения).

Из каких сущностных характеристик конструируется понятие «свои места»? В целом «свои места» можно определить как конкретные локации заведомо успешной реализации практик собирательства, то есть способ снижения временных издержек сбора дикоросов.

Знать места, это значит знать, где из года в год могут появляться белые грибы, на каких опушках и где их нужно проверять (укоренённые дачники из боровой деревни).

Наличие своих мест характерно для тех пользователей, которые действуют в пространстве бора достаточно длительное время. Наличие своих мест — это своего рода визитная карточка, показатель квалификации настоящего грибника.

У каждого-то грибника своё место, конечно, у каждого приличного грибника свои места есть (самоопределение информанта: «системные» или «приличные» грибники; укоренённые дачники из боровой деревни).

Укоренённость обусловлена как фактором длительности и периодичности реализации практик (на своё место необходимо хотя бы один раз вернуться), так и эмоциональной привязанностью (локация, место должно понравиться, его необходимо запомнить):

К нему привыкаешь как-то, к этому месту, постоянно там (житель борового поселения).

Таким образом, через освоение пространства бора (как в объективном измерении длительности и периодичности, так и в субъективном — эмоциональном восприятии) происходит присвоение этого пространства и превращение отдельных локаций в «свои», то есть формируются *транзитивные отношения собственности*. В процессе присвоения воспроизводимых ресурсов бора происходит освоение и присвоение самого пространства бора. Можно отметить и обратную связь: присвоенное пространство является фактором легитимации практик природопользования.

Спецификой своих мест является их субъективное конструирование и, в принципе, существование. Процесс присвоения состоит в индивидуальном опыте сбора даров леса.

Я считаю это мои, потому что я нашла, в соснах, там ни травки, ничего нет, и легко там грибочки, груздей набрала. Я считаю, что это моё место. Если мне нужно будет, захочу я груздей, я пойду туда быстренько, чтобы там нарвать (коренная жительница борового поселения).

Такое своё место может быть обозначено только на карте конкретного собирателя; более того, если кто-то ещё узнает о данной локации, место перестаёт быть своим. Ресурс из приватного станет общим. Субъектом присвоения может быть не один пользователь, а группа (например, родственная), но группа закрытая. Хотя встречаются и случаи дарения своих мест:

Вот мы когда приехали, [имярек] нам все места показал, грибные (дачница из боровой деревни).

В таких случаях локации обозначаются по наименованию их первого «собственника». Свои места передаются по наследству, в пользовании своими местами прослеживается преемственность поколений.

Парадокс своих мест заключается в том, что индивидуальное право собственности строго охраняется (о своих местах никому не принято рассказывать), но основания для единоличного владения отсутствуют.

Местные грибники берегут свои места, никому не показывают, не рассказывают (дачник из боровой деревни).

Ещё больше защищается право собственности в том случае, если продажа даров леса приносит существенный дополнительный доход.

Ну, люди знают, те, кто занимается профессионально грибами и ягодами, особенно ягодами, они знают, конечно. У них свои места... Если эти люди живут, они, конечно, не скажут (глава сельской администрации).

Поскольку карты своих мест множественны, они взаимно пересекаются. Если в лесу на своём месте встречается ещё один собиратель, то никаких требований освободить место к нему не предъявляется, просто выбирается другое место для сбора дикоросов.

И у всех, конечно, есть определённые места, в которые обязательно надо сходить, там должно быть... Просто проверить... Это место может быть не одного, а человек там 20... Можно приехать, посмотреть... Ага, тут собирают. Значит, пройдем дальше, в сторону (коренные жители борового поселения).

В итоге пользователи бора потенциально обладают всей совокупностью правомочий (в классификации С. Пейовича). Но при этом права собственности размыты, поскольку невозможно их однозначно идентифицировать и обеспечить надёжную защиту. Право пользования можно реализовать при условии отсутствия в конкретной локации других грибников (в том числе в предыдущие периоды времени). Объект собственности («своё место») конструируется исключительно индивидуально, публичная демонстрация владения своим местом возможна только при личном присутствии пользователя в данной локации. Препятствий для передачи по наследству или для получения дохода (в ситуации свершившегося пользования ресурсом) не наблюдается. Сложившаяся ситуация, кажущаяся на первый взгляд противоречивой, обеспечивает одновременное пользование ограниченным природным ресурсом (урожаем дикоросов в каждый конкретный год непредсказуем, и отсутствуют возможности влияния на производительность бора) и отсутствие открытых конфликтов. В то же время фиксируется неявная конкуренция, реализующаяся в стратегиях сбора (выехать пораньше). Отношения собственности в режиме своих мест возникают, когда речь идёт об относительно редких ресурсах (белые грибы в неурожайный год; отдельные виды грибов — рыжики, лисички; ягоды — черника, брусника). Если ресурс достаточен, то нет необходимости в индуцировании прав собственности, общее пользование удовлетворяет потребности жителей поселения либо места изначально всем известны, визуально открыты:

Раньше у нас было место, здесь были сады, и вот там, за садами, были поляны, там всегда клубника, и я ещё девчонкой была. И если люди уезжали <...> куда-то в город переезжали, то летом на этих полянах всегда встречались все городские, и все мы на этих полянах виделись (коренная жительница «подборицы»).

Ягоды — относительно более редкий ресурс (особенно черника) и более трудоёмкий для сбора, чем грибы, которые в урожайный год переходят из разряда редкого ресурса в общедоступный. Общее оску-

дение бора обусловило необходимость существования «своих мест» для удовлетворения хозяйственных потребностей. Свидетельства информантов о практиках собирательства середины XX века описывают менее конкурентную ситуацию:

Раньше туда [дальше в бор] мы ни за груздями, ни за чем не ходили, мы ходили, вся деревня ходила только на эти дороги (коренная жительница боровой деревни).

Значительное увеличение пользователей бора за счёт притока горожан ставит под угрозу существование своих мест, ещё больше размывает права собственности, исключает возможность индивидуализировать общий ресурс, что не гарантирует эффективного сбора и, следовательно, разрушает сам феномен своих мест как основания получения дохода.

Респондент. *У каждого горожанина есть своё место в Караканском бору, кто сюда ездит за грибами, за ягодами, уже есть конкретно своё место.*

Интервьюер. *А сейчас просто, вот те, которые были Ваши, тоже выгребаются?*

Респондент. *Они уже общие стали.*

(Коренной житель борового поселения.)

Свой вклад в исчезновение «своих мест» вносит и лесозаготовка, физически изменяя пространство бора. В данном случае пространство бора является общим ресурсом не только для группы собирателей, но и в более широком социально-экономическом контексте.

Сейчас их нет, потому что там прошли лесозаготовки, разработки, и все мои любимые места, где мы собирали ещё в 80-е годы ягоды, грибы, либо это недоступно из-за того, что дико разбиты дороги лесовозами, и мы туда добраться не можем, либо эти места просто перестали существовать (коренная жительница борового поселения).

Функционально свои места служат поддержанию воспроизводства природных ресурсов в должном качественном и количественном отношении, а более широко — существованию экосистемы, что согласуется с результатами исследований как в городских лесах Вены [Schunko, Wild, Brandner 2021], так и в сельских районах Китая [McLellan, Brown 2017]. Иначе говоря, свои места обеспечивают социальную справедливость в отношении доступа к ресурсам бора и безопасность (открытость для «своих» и закрытость для «чужих»). Система моральных прав и ожиданий [Скотт 1999] определяет негативную оценку присваивающих практик некоторых горожан-дачников, поскольку объёмы их собирательства превышают конвенционально одобряемые масштабы.

Вот я не хожу за грибами, а они (дачники) сразу в лес, за грибами. На машины садятся, как добытчики (жительница боровой деревни).

Соблюдение норм и правил бережного и рационального природопользования является одним из ключевых аргументов для притязаний укоренённых пользователей бора (длительно присутствующих дачников и местных жителей) на присвоение его пространства и реализацию практик природопользования, что согласуется с результатами исследования как практик рыболовства в Баренц-регионе [Nakhshina 2012], так и рекреационной активности в национальном парке в Шотландии [Brown 2015]. Дискурсивно это выражается в противопоставлении носителей культуры собирательства и не прошедших соответствующую профилльную социализацию горожан:

Местные жители отличаются от городских <...> Уже у детей мы прививаем трепетное отношение к нашему бору. А городские, конечно, простите меня, очень нехорошо ведут себя, многие, не все, конечно (укоренённый дачник из боровой деревни, длительность пребывания более 30 лет).

«Свои места» — неформальный институт квазисобственности на пространство бора. Согласно определению Д. Норта, это «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [Норт 1993: 73]. «Свои места» имеют промежуточный характер между индивидуальной частной собственностью и коллективным регулированием потребления общих ресурсов, так как соблюдение норм поведения каждым членом сообщества необходимо для достижения общего бесконфликтного и эффективного пользования ресурсом, но фактически сообщество не имеет рычагов прямого влияния на индивидуальное поведение. «Свои места» формируются через личный опыт агента природопользования, но их прямым назначением является регуляция совместного пользования ресурсами бора.

Итак, правила совместного пользования ресурсами бора в режиме «своих мест» заключаются в следующем:

- о «своих местах» не принято рассказывать, это приватное знание;
- исключение составляют доверенные лица, передача по наследству, дарение;
- нельзя предъявлять претензии на единоличное пользование «своим местом» в ситуации, если в одной локации одновременно встретились несколько пользователей (отчасти это следствие приватного знания);
- для повышения результативности собирательства «своих мест» должно быть множество (как минимум, в соответствии с количеством видов собираемых дикоросов).

Неисполнение установленных неформальных соглашений (например, раскрытие «своих мест» массовым пользователям-горожанам) несёт угрозу удовлетворению потребностей как отдельного жителя, так и сельского сообщества в целом. Этой же цели служит передача культуры собирательства от поколения к поколению.

Если мы ходили со взрослым поколением в лес, они показывали, как правильно грибок нужно срезать, как его или выкрутить надо, чтобы не повредить грибницу, как правильно собрать эту ягодку, чтобы её не сломать и там не повредить куст или ещё что-то там... Да, вот это всё. Сейчас этого нет, и молодёжь не ходит, и у них нет понятия, вот это вот всё, а как правильно (укоренённая дачница из боровой деревни, длительность пребывания более 30 лет).

Таким образом, осуществляется хотя бы минимальный, но доступный контроль за производительностью бора и проявляются неформальные договорённости, усвоенная культура пользования общим ресурсом [Остром 2010], обеспечивающая его сохранность и воспроизводимость.

Заключение

Исследование демонстрирует вариативность практик собирательства, реализуемых в пространстве целостного природного объекта — Караканского бора, вносит вклад в изучение собирательства не как промысловой практики локальной общности, а фокусируется на её массовости и доступности. Отсле-

живаются социальные характеристики пространства, расположенного вне территориальных границ поселений.

Описание практик собирательства укоренёнными пользователями бора, местными жителями и дачниками с длительным опытом присутствия через смысловую категорию «жить бором» демонстрирует установку на поддержание экологического и социального равновесия, включает рефлексивную относительно воспроизводимости ресурсов бора и тем самым понижает градус трагичности проблемы общего пользования. Семантически «жизнь бором» близка к эксплоярной экономике [Шанин 1999], особенно в наиболее традиционной своей версии. Трактовка категории «жить бором» коренными жителями боровых поселений в большой степени указывает на коллективную вовлечённость жителей в неформальное природопользование (*вся деревня жила бором, собирательный субъект*). Для современных сельских жителей такие практики носят, скорее, индивидуализированный характер (*если человеку нечем жить — он летом готовит и продаёт, единичный субъект*). Общая вовлечённость в природопользование, ориентация на практики собирательства остаётся высокой если не фактически, то в пространстве коллективной памяти. Сбор и потребление дикоросов значимы если не хозяйственно, то символически для резидентов бора — местных жителей, дачников-горожан и горожан-туристов. Эти последние, хотя и пребывают в бору в течение ограниченного времени, нацелены на потребление даров леса в больших объёмах, тем самым формируя «мобильный» рынок сбыта для жителей боровых поселений, профессиональных собирателей.

«Свои места» как транзитивный неформальный институт собственности носят двойственный характер. Имея в своей основе личный опыт собирательства, они служат регулированию совместного пользования ресурсами бора. Таким образом поддерживается экологическое и социальное равновесие, то есть обеспечивается бесконфликтный доступ резидентов бора к дикоросам как общим ресурсам. Поколенческая преемственность «своих мест» в бору — один из элементов сохранения культуры собирательства, традиционного хозяйственного уклада и в то же время ответ сообщества на меняющийся (в том числе социальный) ландшафт бора, проявление адаптивности социально-экологической системы. Ключевая роль в регуляции пользования общими ресурсами принадлежит коллективным нормативным установлениям, но локус контроля всё же индивидуален. Локальность (изолированность) местного сообщества размыта, темпорально изменчива, что не даёт в данном случае возможности говорить о нём как о социальном акторе.

Фактическое отсутствие формального регулирования собирательства общеупотребимых грибов и ягод, имманентная неоднозначность «своих мест» как социального конструкта позволяют назвать пространство бора «свободным» в интерпретации В. Давыдова, то есть таким, где «не административные структуры, а сами люди контролируют свои действия и участвуют в принятии решений» [Давыдов 2019: 79]. Введение дополнительных формальных норм природопользования (например, создание особо охраняемой природной территории — ООПТ)⁵ может нарушить существующее социальное равновесие, лишит резидентов бора этого свободного пространства и повлечёт отчуждение их от освоенного ландшафта.

Ценностная компонента практик собирательства в рамках данного исследования лишь обозначается и обоснованно требует своего развития. Реализовать это целесообразно с привлечением аналитического потенциала концепции «чувства места» (И-Фу Туан, Ричард Стедман, Брэдли Йоргенсен и др.), что позволит проанализировать отношение агентов природопользования к окружающей среде во всём внутреннем структурном многообразии.

⁵ Караканский бор обрёл статус особо охраняемой природной территории 17 августа 2022 г. (см. <https://mpr.nso.ru/news/5685>).

Развитие исследовательской перспективы видится автору в большей специализации и тематизации изучения практик собирательства. Возможны два вектора: (1) погружение в локальные ресурсодобывающие сообщества в целях подробного изучения их внутренней структуры и системы отношений между конституирующими это сообщество субъектами, в том числе выбор конкретного борового поселения как локального кейса; (2) обращение к более широкому и разнородному эмпирическому объекту, собирателям-горожанам. Второй вектор предполагает уточнение места неформальных практик природопользования в образе жизни горожанина из современного мегаполиса.

Литература

- Барсукова С. Ю. 2012. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы. *Социологические исследования*. 2: 31–39.
- Бурдье П. 2007. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
- Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. 2020. «Острова в тайге»: формы (ре)освоения «пустого пространства» на востоке России. *Полития*. 2: 158–181.
- Вебер М. 1996. Основные социологические понятия. В кн.: Трошкин В. П. (сост.), Добренков В. И. (отв. ред.). *Западноевропейская социология XIX — начала XX веков*. М.: Издательство Международного университета бизнеса и управления: 455–491.
- Гаврилова К. А. 2019. Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе. *Этнографическое обозрение*. 4: 13–28.
- Гончаров Н. С. 2021. «Сгущения» пространства в процессе собирательства, рыболовства и охоты: на примере села Жиганск, Республика Саха (Якутия). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 24 (2): 181–211.
- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: <https://ecsoc.hse.ru>
- Давыдов В. Н. 2019. Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах. *Этнографическое обозрение*. 4: 76–88.
- Ермолин И. В. 2019. Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход. *Экономическая социология*. 20 (1): 83–122. URL: <https://ecsoc.hse.ru>
- Каганский В. Л. 2001. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. М.: Новое литературное обозрение.
- Клоков К. Б. 2020. Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах. *Этнография*. 1 (7): 142–165.
- Мазырина А. А. 2018. Заготовка на зиму продуктов собирательства и огородничества как элемент питания крестьян Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (на примере устных источников). *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 1 (34): 105–108.

- Маккензи Р. 2008. Экологический подход к изучению человеческого сообщества. *Вопросы социальной теории*. 2 (1): 232–246.
- Норт Д. 1993. Институты и экономический рост: историческое введение. *THESIS*. 2: 69–91.
- Остром Э. 2010. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- Поланьи К. 2002. Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*. 3 (2): 62–73. URL: <https://ecsoc.hse.ru>
- Позаненко А. А. 2022. Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 3 (58): 165–173.
- Скотт Дж. 1999. Моральная экономика деревни. В кн.: Шанин Т. (ред.) *Неформальная экономика. Россия и мир*. М.: Логос; 541–544.
- Флигстин Н., Макадам Д. 2022. Теория полей. *Экономическая социология*. 23 (1): 60–100. URL: <https://ecsoc.hse.ru>
- Шанин Т. 1999. Эксплоярные экономики и политэкономика обочин. Формы хозяйства вне систем. В кн.: Шанин Т. (ред.) *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос; 545–554.
- Щеглова Т. К. 2021. Собирачество в системе питания сельского русского населения юга Западной Сибири: адаптационные повседневные практики как фактор победы в Великой Отечественной войне. *Историческая этнология*. 6 (1): 65–81.
- Brown K. M. 2015. Leave Only Footprints? How Traces of Movement Shape the Appropriation of Space. *Cultural Geographies*. 22 (4): 659–687.
- Curtain C. 2022. *QualCoder 3.2* [Computer Software]. URL: <https://github.com/ccbogel/QualCoder>
- Dunlap R. E., Catton W. R. 1979. Environmental Sociology. *Annual Review of Sociology*. 5: 243–273.
- Gakou M., Force J. E., McLaughlin W. J. 1994. Non-Timber Forest Products in rural Mali: A Study of Villager Use. *Agroforestry Systems*. 28 (3): 213–226.
- Hardin G. 1968. The Tragedy of the Commons. *Science*. 162 (3859): 1243–1248.
- Hong N. T., Saizen I. 2019. Forest Ecosystem Services and Local Communities: Towards a Possible Solution to Reduce Forest Dependence in Bach Ma National Park, Vietnam. *Human Ecology*. 47 (3): 465–476.
- McLain R. J. et al. 2017. Urban Non-Timber Forest Products Stewardship Practices among Foragers in Seattle, Washington (USA). *Urban Forestry and Urban Greening*. 28 (October): 36–42.
- McLellan T., Brown M. 2017. Mushrooms and Cash Crops Can Coexist in Mountain Livelihoods: Wild Mushrooms as Economic and Recreational Resources in the Greater Mekong. *Mountain Research and Development*. 37 (1): 108–120.

- Nakhshina M. 2012. 'Without Fish, There Would Be Nothing Here': Attitudes to Salmon and Identification with Place in a Russian Coastal Village. *Journal of Rural Studies*. 28 (2): 130–138.
- Pejovich S. 1976. The Capitalist Corporation and the Socialist Firm; A Study of Comparative Efficiency. *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 112 (1): 1–25.
- Poe M. R. et al. 2013. Urban Forest Justice and the Rights to Wild Foods, Medicines, and Materials in the City. *Human Ecology*. 41 (3): 409–422.
- Poudel J. M. 2009. Cultural Understanding of Non-timber Forest Products among the Babuban Community People of Eastern Nepal. *Occasional Papers in Sociology and Anthropology*. 11: 126–147.
- Schunko C., Wild A. S., Brandner A. 2021. Exploring and Limiting the Ecological Impacts of Urban Wild Food Foraging in Vienna, Austria. *Urban Forestry and Urban Greening*. 62: art. 127164. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2021.127164>
- Sheko M. et al. 2023. Importance of Socio-Economic and Institutional Factors in the Collection of Dry Forest Products: The Case of Gum and Resin in Jawi District, Northwest Ethiopia. *Trees, Forests and People*. 11: art. 100379. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tfp.2023.100379>
- Short Gianotti A. G., Hurley P. T. 2016. Gathering Plants and Fungi Along the Urban-Rural Gradient: Uncovering Differences in the Attitudes and Practices among Urban, Suburban, and Rural Landowners. *Land Use Policy*. 57: 555–563.
- Stoian D. 2005. Making the Best of Two Worlds: Rural and Peri-Urban Livelihood Options Sustained by Nontimber Forest Products from the Bolivian Amazon. *World Development*. 33 (9): 1473–1490.

BEYOND BORDERS

Polina Lavrusevich

To Live with a Pine Wood or To Live in a Pine Wood: Gathering Practices and Space Appropriation (the Case of Karakansky Pine Wood)

LAVRUSEVICH, Polina—Senior Lecture, Novosibirsk National Research State University. Address: 1 Pirogova str., 630090, Novosibirsk, Novosibirsk region, Russian Federation.

Email: p.lavrusevich@ngs.nsu.ru

Abstract

The study focuses on informal gathering practices employed by different groups of nature management agents on the territory of Karakansky pine wood. Karakansky pine wood is a large forest area located within the borders of the Novosibirsk Region and Altai Territory. The practices, observed among social agents with varying degrees of connection to the pine wood (local residents, summer residents and city dwellers-tourists), offer insights into the mechanisms employed to solve the problem of general access to nature resources—a case akin to the tragedy of commons. The research draws upon observational materials and interviews with pine wood residents collected during sociological expeditions

conducted in July–September of 2021 and July 2022. At the core of the appropriation practices lies the concept of “living with the pine wood,” which semantically encompasses both economic and ecological aspects. It highlights the inseparability of resource appropriation and contemplation of their present state and well-being, deterring a predatory mentality of “even the flood if after us” (posle nas khot’ potop, meaning “take everything as far as we are not dealing with consequences.”) Presently, the sustenance of the majority of pine wood inhabitants no longer rely significantly on wild mushrooms and berries. However, symbolically, the availability of forest gifts remains important, emphasizing the perception of nature resources as communal. The professionalization of gathering has been observed, with a distinct group of rural residents standing out as gatherers who sell forest products, collected in the vicinity of the points of sale, to urban dwellers visiting the forest for recreation. As the pine wood space is mastered, a network of transitive property relations emerges, manifesting in the concept of “own places” for foragers within the forest. These “own places” serve as individually mastered and appropriated sections of the forest, situated between private and communal property, and can be characterized as individualized common resources. Functioning as a set of norms and rules for nature management, these “own places” serve to maintain social and ecological balances in the pine wood, i.e. provide conflict-free access to a common resource while ensuring their sustainable utilization by curbing excessive personal consumption.

Keywords: informal nature management; common resources; gathering practices; space appropriation; property rights; Karakansky pine wood; “one’s own places”.

Acknowledgements

The project was supported by the Khamovniki Foundation. Project manager—I. A. Skalaban, participants—P. E. Lavrusevich, T. D. Alekseev, E. A. Grach, A. V. Dubynin. Available at: <https://khamovniki.ru/neformalnye-praktiki-prirodopolzovaniya-karakanskogo-bora-mezhdu-socialnym-prisvoeniem-i-socialnoj-kooperaciej/>

References

Barsukova S. Yu. (2012) Neformal’naya ekonomika: ponyatiye, istoriya izucheniya, issledovatel’skiye podkhody [Informal Economy: Concept, History, Research Approaches]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 2, pp. 31–39 (in Russian).

- Blyakher L. Ye., Grigorichev K. V. (2020) “Ostrova v tayge”: phormy (re)osvoyeniya «pustogo prostranstva» na vostoke Rossii [Islands in Taiga: Forms (Re)Development of Empty Space in the East of Russia]. *Politeia = Politika*. no 2, pp. 158–181 (in Russian).
- Brown K. M. (2015) Leave Only Footprints? How Traces of Movement Shape the Appropriation of Space. *Cultural Geographies*, vol. 22, no 4, pp. 659–687.
- Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Curtain C. (2022) *QualCoder 3.2* [Computer software]. Available at: <https://github.com/ccbogel/QualCoder> (accessed 31 March 2023).
- Davydov V. N. (2019) Nephormal'noye prirodopol'zovaniye na Severnom Baykale: dobycha bioresursov v svobodnykh prostranstvakh [Informal Environmental Management in Northern Baikal: Extracting Biore-sources in Free Spaces]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 76–88 (in Russian).
- Dunlap R. E., Catton W. R. (1979) Environmental Sociology. *Annual Review of Sociology*, no 5, pp. 243–273.
- Fligstein N., McAdam D. (2022) Teoriya poley [A Theory of Fields (Excerpt)]. *Journal of Economic Sociol-ogy = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 60–100. Available at: [https:// https://ecsoc.hse.ru/2022-23-1.html](https://ecsoc.hse.ru/2022-23-1.html) (accessed 31 March 2023) (in Russian).
- Gakou M., Force J. E., McLaughlin W. J. (1994) Non-Timber Forest Products in Rural Mali: A Study of Vil-lager Use. *Agroforestry Systems*, vol. 28, no 3, pp. 213–226.
- Gavrilova K. A. (2019) Opasnoye prirodopol'zovaniye: rybnyye resursy i nostal'giya po gosudarstvu v Bar-ents-regione [The Danger of Natural Resource Use: Fishery, King Crab and Nostalgia for the State in the Barents Region]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 13–28 (in Russian).
- Goncharov N. S. (2021) “Sgushcheniya” prostranstva v protsesse sobiratel'stva, rybolovstva i okhoty: na pri-mere sela Zhigansk, Respublika Sakha (Yakutiya) [“Densifications” of Space in the Process of Gathering, Fishing and Hunting: On the Example of Zhigansk Village, Republic of Sakha (Yakutia)] *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 24, no 2, pp. 181–211 (in Russian).
- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoye deystviye i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti. [Eco-nomic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 3, pp. 44–58. Available at: [https:// https://ecsoc.hse.ru/2002-3-3.html](https://ecsoc.hse.ru/2002-3-3.html) (accessed 31 March 2023) (in Russian).
- Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science*, vol. 162, no 3859, pp. 1243–1248.
- Hong N. T., Saizen I. (2019) Forest Ecosystem Services and Local Communities: Towards a Possible Solution to Reduce Forest Dependence in Bach Ma National Park, Vietnam. *Human Ecology*, vol. 47, no 3, pp. 465–476.
- Kaganskiy V. L. (2001) *Kul'turnyye landshapht i sovetskoye obitayemoye prostranstvo* [The Cultural Land-scape and the Soviet Habitable Space], Moscow: New Literary Observer Publishing House (in Russian).

- Klokov K. B. (2020) Mezhdru gosudarstvom i rynkom: neformal'nyye praktiki prirodopol'zovaniya v sibirskikh selakh [Between the State and the Market: Economy, Fishing, Hunting, Informal Practices in the Use of Wildlife Resources in Siberian Reindeer Herding, Biological Villages]. *Ethnography = Etnografya*, vol. 1, no 7, pp. 142–165 (in Russian).
- Makkenzi R. (2008) Ekologicheskiy podkhod k izucheniyu chelovecheskogo soobshchestva [The Ecological Approach to the Study of Human Community]. *Philosophy of Social Sciences = Voprosy sotsial'noy teorii*. vol. 2, no 1, pp. 232–246 (in Russian).
- Mazyrina A. A. (2018) Zagotovka na zimu produktov sobiratel'stva i ogorodnichestva kak element pitaniya krest'yan Altayskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere ustnykh istochnikov) [Preparation for the Winter Food Gathering and Gardening as an Element of a Food of a Peasants of the Altay Krai during the Great Patriotic War (Using the Example of Oral Sources)]. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University = Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 1, no 34, pp. 105–108 (in Russian).
- McLain R. J., Poe M. R., Urgenson L. S., Blahna D. J., Buttolph L. P. (2017) Urban Non-Timber Forest Products Stewardship Practices among Foragers in Seattle, Washington (USA). *Urban Forestry and Urban Greening*, no 28 (October), pp. 36–42.
- McLellan T., Brown M. (2017) Mushrooms and Cash Crops Can Coexist in Mountain Livelihoods: Wild Mushrooms as Economic and Recreational Resources in the Greater Mekong. *Mountain Research and Development*, vol. 37, no 1, pp. 108–120.
- Nakhshina M. (2012) 'Without Fish, There Would Be Nothing Here': Attitudes to Salmon and Identification with Place in a Russian Coastal Village. *Journal of Rural Studies*, vol. 28, no 2, pp. 130–138.
- North D. (1993) Instituty i ekonomicheskiy rost: istoricheskoye vvedeniye [Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction]. *THESIS*, no 2, pp. 69–91 (in Russian).
- Ostrom E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Common: The Evolution of the Institutions of Collective Action], Moscow: IRISEN; Mysl' (in Russian).
- Pejovich S. (1976) The Capitalist Corporation and the Socialist Firm; a Study of Comparative Efficiency. *Swiss Journal of Economics and Statistics*, vol. 112, no 1, pp. 1–25.
- Poe M. R., McLain R. J., Emery M., Hurley P. T. (2013) Urban Forest Justice and the Rights to Wild Foods, Medicines, and Materials in the City. *Human Ecology*, vol. 41, no 3, pp. 409–422.
- Polanyi K. (2002) Ekonomika kak institutsional'no ophormlennyy protsess [Economy as Instituted Process]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 2, pp. 62–73. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-2.html> (accessed 31 March 2023) (in Russian).
- Poudel J. M. (2009) Cultural Understanding of Non-Timber Forest Products among the Babuban Community People of Eastern Nepal. *Occasional Papers in Sociology and Anthropology*, no 11, pp. 126–147.
- Pozanenko A. A. (2022) Vospriyatiye chelovekom svoey roli v okruzhayushchey prirode. Paradoks Primor'ya. [How People Perceive Their Role in the Natural Environment. The Primorye Paradox]. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography = Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. vol. 3, no 58, pp. 165–173 (in Russian).

- Schunco C., Wild A. S., Brandner A. (2021) Exploring and Limiting the Ecological Impacts of Urban Wild Food Foraging in Vienna, Austria. *Urban Forestry and Urban Greening*, vol. 62, art. 127164. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2021.127164> (accessed 14 May 2023).
- Scott J. (1999) Moral'naya ekonomika derevni [The Moral Economy of the Village]. *Neformal'naya ekonomika* [Informal Economy: Russia and the World] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 541–544 (in Russian).
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnyye ekonomiki i politekonomiya obochin: Formy khozyaystva vne sistem [Expolar Economies and The Political Economy of Roadsides: Forms of Economy Outside Systems]. *Neformal'naya ekonomika* [Informal Economy: Russia and the World] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 545–554 (in Russian).
- Shcheglova T. K. (2021) Sobiratelstvo v sisteme pitaniya selskogo russkogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri: adaptatsionnyye povsednevnyye praktiki kak phaktor pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Gathering in the Nutrition System of Rural Russian Population of the South of Western Siberia: Adaptation Everyday Practices as a Factor of Winning the Great Patriotic War]. *Historical Ethnology = Istoricheskaya etnologiya*. vol. 6, no 1, pp. 65–81 (in Russian).
- Sheko M., Kassa G., Abebaw D., Kassa H., Abdelkadir A. (2023) Importance of Socio-Economic and Institutional Factors in the Collection of Dry Forest Products: The Case of Gum and Resin in Jawi District, Northwest Ethiopia. *Trees, Forests and People*, no 11, art. 100379. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tfp.2023.100379> (accessed 31 March 2023).
- Short Gianotti A. G., Hurley P. T. (2016) Gathering Plants and Fungi along the Urban-Rural Gradient: Uncovering Differences in the Attitudes and Practices among Urban, Suburban, and Rural Landowners. *Land Use Policy*, no 57, pp. 555–563.
- Stoian D. (2005) Making the Best of Two Worlds: Rural and Peri-Urban Livelihood Options Sustained by Nontimber Forest Products from the Bolivian Amazon. *World Development*, vol. 33, no 9, pp. 1473–1490.
- Weber M. (1996) Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya [Basic Sociological Concepts]. *Zapadno-evropeyskaya sotsiologiya XIX — nachala XX vekov* [Western European Sociology XIX — Early XX Centuries] (eds. V. P. Troshkin, V. I. Dobren'kov), Moscow: Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniia, pp. 455–491 (in Russian).
- Yermolin I. V. (2019) Predumyshlennyy prilov Kaspiyskogo tyulenyia i razvitiye nelegal'nogo rynka bioresursov v Dagestane: ekonomiko-sotsiologicheskii podkhod [Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya* vol. 20, no 1, pp. 83–122. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2019-20-1.html> (accessed 31 March 2023) (in Russian).

Received: March 31, 2023

Citation: Lavrusevich P. (2023) Zhit' borom ili zhit' v boru: praktiki sobiratel'stva i prisvoenie prostranstva (keys Karakanskogo bora) [To Live with a Pine Wood or to Live in a Pine Wood: Gathering Practices and Space Appropriation (The Case of Karakansky Pine Wood)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 3, pp. 73–94. doi: 10.17323/1726-3247-2023-3-73-94 (in Russian).